

Алмас

Даутов

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Мне давно хотелось написать о своем отце Сатыбалды Даумове. Не только потому, что он был известным журналистом, поэтом, перевел на казахский язык книгу Бюргера «Приключение барона Мюнхаузена», дружил с замечательными людьми своего времени, развивавшими казахскую культуру и литературу. Отец тридцать лет возглавлял двуязычный журнал «Еңбек таңы» – «Заря труда», основной тираж которого издавался на специальной бумаге шрифтом Луи Брайля, для людей слабовидящих и лишенных зрения. Его звали работать в другие журналы и газеты, но он оставался верен своему детищу, считая, что здесь приносит больше помощи людям. За свои трудовые заслуги отец удостоен правительственных наград, звания «Заслуженный работник культуры Казахской ССР».

В семьдесят лет ушедший из жизни, наш отец был скромнейшим, интеллигентнейшим человеком из всех, кого я когда-либо знал и знаю. Думаю, его жизненные правила, его целеустремленность и трудолюбие, стремление обустроить мир вокруг себя, сделать его лучше – очень ценны и поучительны. И об этом мне хочется, прежде всего, говорить. Они важны и для нас – троих братьев Даумовых, для наших детей и внуков – потомков отца. По паспорту отцу в этом году должно было исполниться 85 лет, по его же расчетам – «только» 84. Как так получилось? Вот с этого любопытного момента и начну свое повествование.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Отца расстраивал тот факт, что он не знал точную дату своего рождения. Никак свою неудовлетворенность не выказывая, он скрупулезно занимался восполнением этого пробела в своей биографии. К тому же ему были известны слова женте (жены его дяди), что он родился зимой, в лютые морозы, тогда как май – паспортный месяц его рождения – далеко не самый холодный в году. Сопоставив характеристики знаков зодиака, отец решил, что знак Козерога, который отличают целеустремленность, трудолюбие, добросовестность, принципиальность, педантичность и гиперответственность, подходит ему больше всего. И менее всего ассоциировал он себя со знаком Тельца, которому присущи совсем иные способности и таланты.

В один прекрасный день, когда все дети, внуки, снохи пришли поздравить аташку с очередным шестьдесят каким-то днем рождения, папа торжественно объявил, что теперь его день рождения будет отмечаться не 15 мая, а 15 января, и что он готов принимать поздравления, но... только в начале следующего года. Сказать, что все

были в шоке, не сказать ничего. Но спорить с отцом никто не стал. Как говорится, хозяин – барин. Более того, отец и год рождения поменял с 1934-го на 35-й, шутя объяснив нашей маме, что всегда хотел быть помоложе.

Есть своя история и у имени Сатыбалды. К моменту его рождения в семье росли уже три девочки. На радостях, что родился долгожданный сын, и для сохранения жизни и здоровья младенца по неписаным аульным законам его необходимо было «отдать» соседям, а затем «выкупить» у них за мешок кизяка. С этой затеей наши ата с аже благополучно справились и стали «полноправными» родителями здорового и крепкого сыночка – Сатыбалды.

Кстати, младшая сестра отца Казима за тысячи километров от нас тоже, оказывается, отмечала свой день рождения 15 мая. Все эти казусы с датами рождения, когда братья и сестры записывались в один день, или различные суеверные уловки были вполне характерны для аулов советского Казахстана 30-40-х годов XX века. Ведь учет записи новорожденных в те времена строго не велся, да и предки наши, дедушки-прадедушки, не особо были озабочены днями рождений своих детей. Но любопытно, что несколько лет спустя после ухода отца, когда дата его официального дня рождения перестала быть столь актуальна, его первая внучка Лиля самым неожиданным способом напомнила о ней. Благополучно выйдя замуж, она своего первенца Артура родила именно 15 мая!

Папа практически ничего нам не рассказывал о своем детстве. Как-то случайно мы узнавали о том, что очень рано, лет с шести-семи, начал он работать по хозяйству – и в доме, и в поле. Или что перечитал от корки до корки на казахском и русском языках все книги школьной библиотеки. Или про то, что вплоть до окончания средней школы его, как и всех аульных мальчишек, стригли наголо. А, например, о том, что 10-летним мальчиком он лишился отца Арыстанова Даума, которому едва исполнилось шестьдесят лет, и о том, что спустя всего несколько лет после окончания школы потерял свою маму Орынганым, папа предпочитал не рассказывать вовсе. В свою очередь, мы, дети, эту деликатную тему старались не затрагивать.

Много лет спустя один из наших родственников рассказал, что вскоре после смерти кормильца дом, в котором жила осиротевшая семья, сгорел. И аже – мама отца вынуждена была с двумя маленькими детьми скитаться по родственникам, испытывая невероятные лишения и трудности. Папина семья осталась без крыши над головой в тяжелые военные и послевоенные годы, но отец не делился с нами воспоминаниями о своем голодном, холодном, не самом счастливом детстве, даже в воспитательных целях. Не в его это были правилах. Более того, как бы тяжело и горестно ему ни было, ни разу в жизни я не слышал, чтобы он обвинил кого-либо в своих промахах, ошибках и бедах, и тем более, чтобы жаловался на судьбу.

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

Конечно, потеря отца в раннем детстве, когда закладываются основы характера человека, сказалась на нем, как и голодные 30-40-е годы, когда бурно растущий организм катастрофически недополучал необходимое ему для нормального физического развития. Но при этом паренек не ломался под ударами судьбы, а пробивался, как молодой росток сквозь камень, становясь с каждым годом все крепче и сильнее. Сыграла свою роль и генетика. В юности мы таким нюансам не придавали большого значения, но со временем пришло понимание, что являемся

потомками достойных предков, которые в свое время были крупными скотовладельцами, людьми успешными и самодостаточными. Наши прародители отличались высоким ростом, крепким телосложением и физической силой. Вероятнее всего, все вышеперечисленное в совокупности, плюс приобретенный жизненный опыт, сформировали тот стержень, благодаря которому отец состоялся, как Личность с большой буквы, оставив яркий след в журналистике и литературе Казахстана.

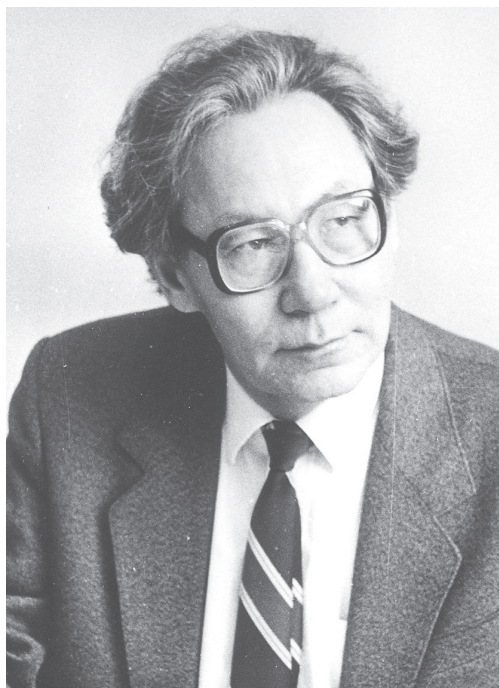
На его становлении сказалось и то, что в студенческие годы ему и его однокурсникам посчастливилось посещать лекции по «абаеведению» Мухтара Омархановича Ауэзова. Аудитории, в которых прославленный классик казахской литературы проводил свои занятия, рассказывая про творческий и жизненный путь великого Абая, всегда были забиты до отказа. Порой студентам не хватало даже стоячих мест: в аудиторию сбегались не только студенты филологического факультета, но и будущие физики, химики, математики, биологи и учащиеся других факультетов, в учебных программах которых данной лекции не было и в помине.

Я полагаю, что М. О. Ауэзов своим блестящим ораторским искусством, харизмой, мощным интеллектом и прекрасным знанием предмета способствовал формированию и развитию целой плеяды литераторов в 50–60-е годы двадцатого столетия, которая дала мощный импульс развитию казахского языка и казахской культуры во всем Казахстане. С некоторыми представителями этой плеяды, с кем папа вместе учился в своей альма-матер, с кем его жизнь пересеклась во время творческой деятельности, и нам довелось видаться в собственном доме.

Помню рассказы однокурсников отца, как между собой они называли его «зачником, который получал стипендию». Потому что пока все студенты добросовестно посещали лекции и практические занятия, отец отсыпался в общежитии после ночной работы. Но когда приходило время сдавать экзамены, многие радовались своим тройкам и четверкам, а отец легко и стабильно получал «отлично» и «хорошо» в свою зачетку.

Рассказывали еще и такой случай. На пятом курсе университета отец проходил преддипломную практику в селе Чемолган Алма-Атинской области. По молодости, как большинство юношей и девушек, он был ярым максималистом и перфекционистом. Эти черты характера существенно влияли на его требовательное отношение не только к другим, но и к себе в первую очередь. И спрашивал он по преподаваемому предмету в вышеназванной школе строго и безапелляционно.

Среди старшеклассников, которых ему доверили обучать и экзаменовать, был очень способный парень, который безукоризненно сдавал все свои экзамены и получал за них максимально высокие баллы, однако по своему предмету отец

оценил его знания на твердую «четверку». Учителя, завуч и руководство школы, вплоть до директора, выразили несогласие с заниженной, по их мнению, оценкой, уговаривая отца поменять свое решение, чтобы не портить выпускнику итоговую оценку в аттестате зрелости. История умалчивает, изменил ли отец свое решение или все же настоял на своем. Казалось бы, стоит ли акцентировать внимание на этом? Такие случаи происходили сплошь и рядом в каждом ауле или городе. Однако в этой школе талантливого ученика звали Нурсултан Назарбаев.

Много лет спустя Нурсултан Абишевич, будучи первым секретарем Центрального Комитета Компартии Казахстана, лично поздравил папу с присвоением ему почетного звания «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Не думаю, что во время награждения он узнал в высоком, солидном, убежденном сединами мужчине того самого практиканта старших классов в круглых очках, который никак не хотел ставить ему «пятерку». Да и отец, насколько я знаю, даже не пытался каким-то образом напомнить о том случае многолетней давности.

МОЛОДЫЕ РОДИТЕЛИ ТРЕХ СЫНОВЕЙ

Будучи студентом 5-го курса филологического факультета Казахского Государственного университета им. С. М. Кирова, Сатыбалды Даумов стал счастливым отцом моего старшего брата – Нурлана. Случилось это знаменательное событие в прекрасный весенний день – 10 апреля 1958 года. А спустя буквально несколько месяцев после окончания КазГУ, 6 августа 1959 года он стал уже дважды отцом, когда родился наш средний брат Уркен. До сих пор, спустя пятьдесят с лишним лет, для всех нас остается загадкой, как они с мамой выживали с двумя маленькими детьми, не имея в городе какой-либо материальной поддержки от родителей и родственников, к которым можно было бы обратиться в случае крайней нужды. Они снимали комнатку в полуподвальном помещении размером буквально два на два квадратных метра, с печкой на твердом топливе и с удобствами во дворе. И несмотря на мизерную даже по тем меркам жилплощадь, родители умудрялись периодически размещать у себя многочисленных родственников, приезжавших «покорять» Алма-Ату из далеких уральских и гурьевских (западноказахстанских, атырауских) аулов. Чудеса, да и только! По всей видимости, неприхотливость, простота и бедность тех лет были в порядке вещей и не казались чем-то шокирующим или противоестественным.

Высокий, ростом 185 сантиметров, худой, но физически очень сильный и выносливый 25-летний молодой отец двоих малышей правдами и неправдами «тянул» семейную лямку, устроившись сразу после окончания университета рядовым журналистом в журнал «Сельское хозяйство Казахстана». Мало того что у папы с мамой на руках подрастали сыновья двух и трех лет от роду, так в июне 1961-го родился их третий сын. По этому случаю сразу вспоминается казахская пословица: «Ұлы көп бөсіп сөйлейді, қызы көп қысып сөйлейді» («Говорит высокомерно имеющий сыновей, говорит стеснительно имеющий дочерей»). Но, зная характер своих родителей, я смею предположить, что на тот момент они не сильно возгордились этим. Им надо было поднимать, растить и кормить троих сыновей.

Но, как говорится, пришел и «на нашу улицу праздник», и фортуна повернулась к нам лицом. Конечно, в этом была огромная заслуга нашей мамы – артистки Государственной филармонии им. Жамбыла Жабаева. Отстояв более пяти лет в очереди на получение жилья, пройдя различные инстанции и преодолев все бюрократиче-

ские препоны, мама смогла «выбить» для своей семьи двухкомнатную квартиру в панельном благоустроенном четырехэтажном доме по улице Жандосова.

Не могу сказать, как проходило в это время становление отца на журналистском поприще, но дома ему явно некогда было скучать. Соседи с изумлением смотрели на худого, длинного папашу, который носился с тремя маленькими сыновьями: водил сначала в ясли, затем в детский сад, иногда в поликлинику, по праздникам на парад или демонстрацию, порой на стадион или в гости. На вопрос «где папа с мамой на ходили столько энергии и сил?» – думаю, не смогли бы ответить даже они сами.

Не менее мог изумить прохожих и соседей наш балкон с гордо развевающимися многочисленными мальчишескими майками, трусами, штанишками, рубашками и носками разных размеров, но неизменно одинаковых расцветок. Одним из тех, кому посчастливилось ежедневно наблюдать эту «картину маслом», был молодой и скромный аспирант Омирзак Султангазин, в будущем – президент Академии наук Казахской ССР, доктор наук и академик. У него в то время уже росли две дочери, но он, как и все мужчины, мечтал о наследнике. Не исключая, что пример отца сильно вдохновил будущего академика, и у него вскоре родился сынишка, которого назвал он в честь одного из сыновей соседа – Алмасом. Многие годы спустя Алмас создал компанию «СулПак», в названии которой три начальные буквы принадлежали знаменитой фамилии его отца. Получается, таким образом, что в те далекие годы, шаг за шагом, в алма-атинских «хрущобах» формировалась будущая казахская интеллигенция, которая в скором будущем стала цветом и гордостью Казахстана!

ПОЕЗДКА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ

В августе 1966 года отец решил посетить свою историческую родину – село Суяндук в Урдинском районе Уральской области, недалеко от небезызвестного полигона Капустин Яр. Ехал он проведать своих многочисленных родственников, среди которых были его старшие сестры Уазипа, Назипа, Уасилия и младшая

сестренка Казима. Впервые наша семья выехала за пределы Алма-Аты в полном составе, и для нас, детей, это было целое событие. За прошедшие пятьдесят лет многое выветрилось из памяти, но только не запах яблок, которые мы везли в дальний край в двух огромных чемоданах.

Только по приезде на родину отца понял я, что отнюдь не зря эти яблоки, росшие чуть ли не в каждом алма-атинском дворе, проделали такой долгий путь. Первое впечатление, что мы из оазиса попали в пустыню. В этих местах не то что яблоками, но и другими привычными для нас фруктами и овощами даже «не пахло». Меня сильно поразило, что деревьев в ауле почти не было, земля была вся в трещинах, буквально выжжена палящим солнцем. Один в один, как в песне про Учкудук: «...горящее солнце, горячий песок...». Но здесь, увы, колодцев не было и в помине. Даже вода в ауле была привозной.

После благоухающей от зелени Алма-Аты, с ее горным воздухом, арыками, современными зданиями, садами, парками и аллеями, увиденное не на шутку потрясло мое детское сознание своим разительным контрастом. Но несмотря на это процесс адаптации прошел быстро и безболезненно. Хотя весь окружающий мир был нам в диковинку: оказывается, мы не имели ни малейшего представления о настоящем ауле, где уклад жизни кардинально отличался от нашего привычного городского. Мы впервые в жизни увидели живых лошадей, баранов, коров, быков, верблюдов, кур, гусей, петухов и другую живность, которую до этого видели только на картинках и по телевизору. Было такое ощущение, что мы попали на другую планету... Более того, на этой «планете» все жители говорили на казахском языке!

Недалеко от Суюндука жил папин родной дядя – Жумат-ата. Это был крепкий мужчина лет шестидесяти, высокого роста, плотного телосложения, абсолютно лысый, в неизменной тюбетейке, в галифе и кожаных сапогах. В каждый наш приезд к нему в гости он вывозил нас в степь, сажал по очереди на лошадей и катал по бескрайним просторам. Относился к нам Жумат-ата с бережной заботливостью. Поскольку Нурлану с Уркеном было по 7-8 лет, он доверял им самим кататься верхом, я же ввиду своего малолетства этой чести ни разу не удостоился.

Я по сей день вспоминаю с улыбкой, как во время одной из поездок к Жумат-ата, отец, высокий и худой, вдруг лихо уселся на коня и резво поскакал. Мне показалось, что лошадь низковата для папиного роста, создавалось впечатление, что он вот-вот заденет своими длинными ногами землю. Но, видимо, отца данное обстоятельство несколько не смущало, и он показал нам всем мастер-класс по конной езде. Это было незабываемое зрелище! Но если нам непривычно было видеть своего интеллигентного отца скачущим во весь опор по бескрайним степям, то для него это была родная стихия, в которой он ощущал себя, как рыба в воде. Мы привыкли видеть в нем такого городского элегантного мужчину в костюме, в очках и галстук, и его образ ну никак не вязался у нас с этим лихим наездником. Откуда ж нам было знать, что он, как и все аульные мальчишки, освоил уроки джигитовки в раннем детстве?

С тех пор прошло почти полвека, но меня никак не покидает ощущение, что Жумат-ата тогда пытался выстроить с нами особо доверительные отношения, рассказать что-то интересное и познавательное про наших далеких предков, но, учитывая сложившийся языковой барьер, этого не случилось. Спустя годы я испытываю сожаление, что мы упустили возможность пообщаться со старейшиной нашего рода – Ысык. Думаю, мы рассчитывали, что обязательно еще вернемся

сюда, но, увы, тогда мы не знали, что видим Жумат-ата в первый и в последний раз. Больше при его жизни поехать в те края нам не довелось, проводить его в последний путь из нашей семьи поехал только папа.

Не помню, как долго мы гостили в Суюндуке и недалеко от него находившихся аулах Балкудуке, Верхнем и Нижнем Баскунчаках, но везде нас встречали с огромной любовью и радушием. На протяжении всей поездки мы не переставали удивляться такому большому количеству родственников, о которых мы ранее и не слышали. По старым добрым казахским обычаям, родственники дарили гостям подарки. Например, нашему старшему брату Нурлану, как первенцу, подарили целого теленка. На деньги, вырученные от продажи уже повзрослевшего бычка, папа с мамой купили свой первый в жизни телевизор «Рекорд», который по тем временам считался предметом роскоши. На моей памяти это было нашим первым крупным семейным приобретением.

Не омрачило мои воспоминания о поездке в аул даже то обстоятельство, что покойный Амир-ага, муж тети Казимы, «под шумок» побрил меня наголо, чтобы я лучше ассимилировался в аульную среду и стал похож на местных мальчишек. Не смогли испортить впечатления об этой поездке даже доверительно-шуточные признания двоюродных братьев и сестер спустя много лет в Алма-Ате. Как позже выяснилось, тогда они изрядно подустали от нашего присутствия в их доме, и у кого-то из родственников от нервного перенапряжения из уст невольно вырвалось: «Мынау орыстар қашан кетеді» («Когда уже эти русские уедут?») В то время, будучи детьми, мы особо не чувствовали языкового различия между нами и аульными родственниками, тогда как наша родня вынуждена была подстраиваться под нас и говорить на чуждом для них языке.

Только двоюродных братьев и сестер на родине отца мы насчитали человек двадцать. С кем-то мы общаемся до сих пор, кого-то видели не более одного раза, а кто-то уже ушел в мир иной. Многие из них уже давно стали бабушками и дедушками, но для всех них, многочисленных детей сестер и их детей, папа всегда был любимым и уважаемым нағашы, которым они все очень гордились. Полагаю, что приезд папы с семьей был для них огромным событием, сопоставимым разве что с приездом какого-нибудь знаменитого земляка – литератора, нашедшего немного времени, чтобы порадовать своим присутствием благодарных почитателей его таланта (шучу, конечно). Но, если честно, путешествие в аул на малую родину папы было одним из самых ярких и запоминающихся событий нашего далекого детства.

В ДОЛЖНОСТИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Шли годы, дети подрастали. С ними вместе, только в профессиональном плане, рос и наш отец. В конце 60-х ему предложили должность главного редактора журнала «Еңбек таңы» – «Заря труда». Журнал был двуязычным, и это означало, что главный редактор обязан был владеть как казахским, так и русским языком. Самодисциплина, непрестанная работа над собой и стремление совершенствоваться позволили отцу, закончившему школу и филологический факультет университета на казахском языке, стать настоящим профессионалом своего дела, владеющим в одинаковой степени обоими языками. Стоит отметить, что не последнюю роль в его профессиональном развитии сыграл журнал «Сельское хозяйство Казахстана», в котором папа проработал более десяти лет.

Благодаря неустанному труду, коллектив во главе с папой смог преобразовать, переформатировать скромный черно-белый бюллетень «Еңбек таңы» в полноценный двуязычный цветной журнал. Так сложилось, что почти тридцать лет отец добросовестно проработал в должности главного редактора, вплоть до выхода на заслуженный отдых.

Когда отцу, молодому и перспективному журналисту, в конце шестидесятых годов предложили возглавить его, казалось, что на голову 35-летнего молодого человека свалилось небывалое счастье. Но на самом деле все обстояло не так уж радужно. Дело в том, что журнал издавался не только в привычном для нас бумажном формате, но он так же был рассчитан на слабовидящих и слепых читателей, для которых выпускался на специальной бумаге с использованием шрифта Брайля (шрифт был назван в честь Луи Брайля в 19 веке, который сам, будучи слепым с пяти лет, в более зрелом возрасте изобрел способ общения незрячих людей с внешним миром). В результате основной читательской аудиторией журнала были люди с ограниченными возможностями.

И здесь стоит признать, что миссия, которую папа возложил на себя, заслуживает несомненного уважения и признания. Только представьте, сколько инвалидов по зрению улучшили качество жизни, получая информацию о происходящем в мире из единственного на тот момент республиканского издания, использующего метод Брайля? С такой ответственной работой мог справиться только эмоционально зрелый, сформировавшийся человек, который был безразличен к судьбам людей.

Центральное правление Казахского общества слепых (ЦП КОС) в ту пору возглавлял замечательный человек – Сакен Хайдарович Утегенов, участник Великой Отечественной войны, награжденный боевыми орденами и медалями, потерявший зрение на фронте. Сакен Хайдарович был очень скромным и порядочным человеком, весьма успешно руководившим огромным коллективом. Под его руководством по всему Казахстану работали предприятия, на которых были созданы все условия для работающих, особое внимание уделялось деятельности социальных объектов, таких как библиотеки, Дома культуры, пионерские лагеря, Дома отдыха

и пр., которые помогали адаптироваться инвалидам по зрению к обычной жизни. Думаю, одной из причин, по которой папа не ушел из редакции, было осознание того, что он, здоровый человек, нужен этим людям и должен приносить им сильную помощь своим трудом.

После ухода на пенсию С. Х. Утегенова коллектив возглавил молодой, перспективный Байболат Аубакиров. Даже тот факт, что он рано лишился зрения, не помешал Байболату Абаевичу многого добиться в жизни. Помимо того что он стал руководителем Республиканского Общества слепых Республики Казахстан, он непрерывно учился и занимался самообразованием. Совмещая работу и учебу, он защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации в области экономики. Позже был избран академиком Международной академии информатизации. Помимо научной работу Байболат Абаевич смог реализовать свои способности и в других сферах жизни. Он написал музыку к тридцати песням. Среди них произведения на стихи отца: «Ұйықта, бөпем», «Перзент сыры», «Қайдасындар, жөнгелер», «Сыр», «Би жыры», «Күтем сені», «Жан танысым, серігім», «Сағыныш сазы», «Қаһарман қазақ».

К сожалению, это творческое сотрудничество неожиданно прервалось, потому что Байболат Абаевич внес свои коррективы в текст песни «Қаһарман қазақ», с которыми отец категорически был не согласен. Со временем страсти улеглись, о них никто особо не вспоминал, но недавно я прочел в интернете, что Байболат Аубакиров в 2011 году получил гран-при в конкурсе патриотических песен за произведение «Қайсар қазақ». Припев этой песни им полностью взят из стихотворения «Қаһарман қазақ», написанного Сатыбалды Даумовым.

Конечно, произошедшее оставило свое послевкусие, но стоит отдать должное композитору, благодаря которому память об отце сохранилась не только в книгах, но и в песнях. На протяжении многих лет на казахском радио мы слышим записи песен отца. Особую же гордость испытываем, когда кто-то из знакомых или родных сообщает нам, что слышал папины песни где-нибудь на свадьбах, различных торжествах и тоях в разных уголках нашей огромной страны.

В 2009 году, через пять лет после ухода отца из жизни, Республиканское Общество слепых вместе с Союзом писателей Казахстана ходатайствовали перед акимом Западно-Казахстанской области о присвоении одной из улиц города Уральска имени Сатыбалды Даумова.

Отцу поступало немало заманчивых предложений по работе из различных журналов и газет, но он, в лучших традициях советского времени, остался верен своему детищу – журналу и коллективу, в котором состоялся как руководитель и профессиональный журналист. Труд, который отец вложил в развитие журнала и в развитие журналистики Казахстана, был по достоинству вознагражден. Будучи членом Союза журналистов СССР и Союза писателей Казахстана, отец был награжден многими медалями и грамотами Верховного Совета СССР и Казахской ССР. В 1990 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Казахской ССР».

ШКОЛА ЖИЗНИ, ИЛИ ПАПИНЫ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

Помимо журналистики отец занимался литературной работой – переводил произведения зарубежных классиков с русского на казахский язык, писал стихи, поэмы, вел дневники и, ко всему прочему, очень много читал. Качественная литература была его страстью. Помню, когда отцу было немногим больше пятидесяти,

он сильно удивил меня тем, что начал перечитывать эпопею Л. Н. Толстого «Война и мир». Ведь большинство людей останавливается на школьном полупрочтении этого объемного романа гениального писателя. Видимо, была серьезная причина, чтобы в зрелом возрасте обратиться к сочинениям именно Л. Н. Толстого – глыбе человеческой мысли. Видимо, их миропонимание и мироощущение были очень близки...

Этот пример характерен и показателен для понимания отца, как человека творческого. Неслучайно у него всегда была мечта – сформировать дома хорошую библиотеку из собраний сочинений классиков казахской, русской и зарубежной литературы. Прекрасно помню те времена, когда мы всей семьей стояли в очередях, чтобы подписаться на собрание сочинений какого-нибудь известного писателя, сдавали макулатуру, чтобы купить новую книгу. Советская интеллигенция 60-80-х годов действительно была самой читающей в мире. Многие прекрасно помнят, что собирание книг считались тогда хорошим тоном. Отец не был исключением. Зачастую отказывая себе во многом ради достижения мечты детства и юности, папа сумел добиться своей цели и собрать прекрасную библиотеку.

Любовь к чтению отец прививал и нам с ранних пор. Помню, когда мне было лет десять, он порекомендовал прочесть книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Почти залпом я прочитал ее. Много лет спустя, уже сам будучи отцом, я предложил ее сыну Алтаю. Не скажу, чтобы мой сын был в восторге. Видимо, мы, оба десятилетние, жили в разные социальные эпохи, и ценности за этот небольшой отрезок времени кардинально поменялись. Но однажды прочтение этой книги ему пригодились. На уроке русской литературы преподавательница спросила, знает ли класс, кто такой Павел Корчагин? Оказалось, что единственным учеником, прочитавшим роман Николая Островского «Как закалялась сталь», был наш сын. Так благодаря аташке его внук блеснул эрудицией.

Отчетливо помню, что в 60-х годах отец ввел домашнюю традицию – собираться всей семьей, чтобы сообща составить перечень книг, журналов и газет, на которые будем подписываться на следующий год. Эти расходы на подписку «пробивали» существенную брешь в семейном бюджете, но папа непоколебимо верил в свою перспективную затею. Современным языком это можно назвать интеллектуальными инвестициями, вкладываемыми в будущее своих детей.

Как говорится: «Большое видится на расстоянии...» Это сейчас, в достаточно зрелом возрасте, я начинаю понимать каким разносторонним в духовном, интеллектуальном, творческом плане (да и в спортивном!) был наш отец. А тогда, будучи молодыми, мы особо не придавали значения тому, чем отец занимается в рабочее или нерабочее время. Пишет ли стихи или занимается очередным переводом, редактирует ли какую-нибудь заметку или же делает очередной ремонт дома. Мы считали, что все, чем отец занимается, является само собой разумеющимся. Понимание того, что отец был человеком долга, всесторонне развитым, обязательным и ответственным, начало приходить только с возрастом. Много ли вообще таких людей?

Со школьных лет он был хорошим спортсменом: прекрасно играл в волейбол, скакал на лошади, не слазил с турника, а кроме того, обладая завидными аналитическими способностями, сумел достичь значительных результатов в игре в шахматы. И однажды мы все стали свидетелями его шахматного триумфа! В начале семидесятых годов прошлого столетия в Алма-Ату приехал знаменитый гроссмейстер,

один из претендентов на мировую шахматную корону, неоднократный чемпион СССР – Ефим Геллер. Он был в расцвете сил и оспаривал звание чемпиона СССР с такими корифеями, как чемпионы мира разных лет Борис Спасский, Тигран Петросян, Михаил Таль, Михаил Ботвинник и др. И Геллера среди других встреч пригласили провести сеанс одновременной игры с работниками Общества слепых. Отец, как ярый поклонник шахмат, не мог упустить возможность помериться силами с одним из сильнейших шахматистов планеты. Мы же, дети, оказались случайными свидетелями «битвы гигантов».

Геллер был настоящий гроссмейстер, не чета герою романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Он легко, в течение минут сорока-пятидесяти, без особого напряжения сломил сопротивление почти тридцати фанатов шахмат, среди которых были даже разрядники. Смирившись с поражением от великого маэстро, они ждали окончания сеанса, который шел к своему логическому завершению. Однако все оказалось не так просто. Оставалась недоигранной одна партия, а «виновником» затянувшегося сеанса оказался высокий, худой молодой человек с копной кудрявых волос, который не только не хотел сдаваться гроссмейстеру, но и нашел в себе силы оказать яростное сопротивление. Конечно же, это был наш отец! Игра явно затянулась, но толпа зевак никак не хотела расходиться, ожидая очередной мат. И вот Ефим Геллер, видимо, оценив по достоинству бойцовские и профессиональные качества соперника, к всеобщей радости болельщиков предложил ничью. Это был «звездный час» отца на шахматном поприще! Не помню, прыгали мы от счастья или нет, но воспоминание о том знаменательном событии сохранилось на всю оставшуюся жизнь.

Многие прекрасно помнят, что шахматы в СССР были очень популярны. В каждом дворе и парке, Домах культуры и отдыха, во всех санаториях и профилакториях, в общем, во всех уголках необъятной страны с утра и до позднего вечера проходили ожесточенные шахматные баталии. Страна «болела» шахматами. Неудивительно, что каждый уважающий себя редактор журнала или газеты, следуя моде или порывам души, вводил рубрику, которая зачастую называлась «Мат в три хода». Не стал исключением и отец, большой фанат этой суперпопулярной игры. В журнале «Еңбек таңы» – «Заря труда» шахматную рубрику курировал мастер спорта М. Носков. Занося в редакцию свои шахматные этюды-задачи, он обязательно партийку – другую играл с нашим папой. При этом его всегда приятно удивляло, что самоучка может играть столь профессионально, на уровне как минимум кандидата в мастера спорта. Где и когда отец мог научиться так прилично играть в шахматы? Аул, в котором вырос папа, скорее всего, отпадает. Думаю, остаются университет и редакция журнала «Сельское хозяйство Казахстана». Но из-за скрытности его характера ответа на этот вопрос я так и не узнал.

Еще одни «университеты», которые он наверняка и весьма успешно прошел в стенах КазГУ в свободное от занятий время, – это умение играть в карты, в частности, в преферанс. Круг друзей, костяк которого составляли папины сокурсники и земляки, частенько расписывал так называемую «пульку», в которой подробно отражались все нюансы (выигрыши, проигрыши, висты, «гора» и прочее) этой интеллектуальной игры. Возможно, «первые азы» в ее изучении отец получил у себя в ауле, так как Уральская область всегда славилась тем, что в ней поголовно и мужчины, и женщины испокон веков считались заядлыми «картежниками». Лично я ничего против этой прекрасной игры не имею, так как благодаря ей, мы – дети

имели свои дивиденды, которыми с нами всегда охотно делился отец после очередного удачного выигрыша. Иногда нам перепало и по три, и по пять рублей каждому, но чаще всего, по рублю, тоже по тем временам приличная сумма для школьников.

Папины таланты – умение хорошо играть в шахматы, а также страсть к картам нам, троим сыновьям, практически не передались. При этом надо заметить, отец не был человеком азартным. В любой игре, при любых обстоятельствах он всегда сохранял спокойствие и хладнокровие.

ПАТРИОТ. ПОЭТ. ГРАЖДАНИН

Считал и по сей день считаю, что многого в жизни отец смог добиться благодаря своей настойчивости, последовательности и нацеленности на конечный результат. Но ведь еще Эйнштейн говорил, что в любом успехе только пять процентов таланта, а остальное – упорный труд. Целеустремленность и упорный труд лежат и в основе отцовской личности. Будучи настоящим патриотом своего народа и родного языка, он был среди тех немногих, кто в советское время не дал казахскому языку «умереть». Не лишне напомнить, что во времена Советского Союза язык Абая, Ауэзова, Мусрепова и Махамбета едва не был предан забвению. В угоду кремлевским «боссам», дабы не сильно расстраивать их своим национальным самосознанием, в Казахстане были закрыты школы с обучением на родном языке, остались лишь единицы. Так, в почти миллионной Алма-Ате 70-80-х годов осталось всего две школы с обучением на казахском языке. Ни о какой-то преемственности поколений, когда отцы и деды разговаривали, по сути, на разных языках со своими детьми и внуками, речи быть не могло. К счастью, патриотизм и любовь к своему народу и языку творческой интеллигенции военного и послевоенного периодов, а также сформировавшейся в 60-70-е годы прошлого столетия, не позволили стереть с лица земли язык наших предков. Своим творчеством, гражданской позицией она внесла неоценимый вклад в развитие и сохранение казахского языка.

К моему глубокому сожалению, не владея в достаточной мере казахским языком, не могу дать объективную оценку творчеству нашего отца. Но зная, каким педантичным и требовательным к себе был отец, могу предположить, что именно поэтому он начал публиковаться относительно поздно, после сорока лет. Уже первые его произведения, напечатанные в республиканском литературном журнале, были очень благосклонно приняты читателями. Отец активно писал статьи, эссе, очерки, поэмы, стихи, занимался переводами. Трепетно и с огромным уважением относился он к таким признанным корифеям казахской прозы и поэзии, как Сабит Муканов, Хамит Ергалиев, Музафар Алимбаев, Гафу Каирбеков, Абу Сарсенбаев, Сагингали Сеитов, Жубан Молдагалиев, был знаком с ними лично и, возможно, в глубине души мечтал находиться в одном ряду.

Мне вспоминается одна фотография из нашего семейного архива. В 1971 году папа и Сабит Муканов были на встрече со школьниками в пионерском лагере «Спутник», располагавшемся в предгорьях Заилийского Алатау, где их обоих по традиции того времени приняли в «почетные» пионеры. На фотографии сидит в тюбетейке убеленный сединой знаменитый аксакал с повязанным на шее пионерским галстуком. А рядом с ним – отец, молодой, элегантный и счастливый от того, что судьба предоставила ему возможность соприкоснуться с живым классиком.

Сабит-ата был непререкаемым авторитетом не только в писательских кругах, но и очень уважаемым человеком для всей творческой интеллигенции Казахстана.

Все эти достойные аксакалы, безусловно, способствовали становлению отца как акына, журналиста, публициста. Гафу Каирбеков, например, будучи заместителем главного редактора крупнейшего казахского литературного журнала «Жұлдыз», дал путевку в жизнь поэту Сатыбалды Даумову, опубликовав в ноябре 1987 года его поэму «Алма». Хамит-ага, Абу-ага, Жубан-ага и Сагингали-ага как земляки и старшие братья по перу опекали начинающего литератора, но в большей степени, наверное, сами служили ему живым примером преданности поэзии.

Так уж случилось, что отец рано ушел из жизни, и один из классиков казахской литературы Музафар Алимбаев, который был не только старше по возрасту, но и являлся одним из тех столпов, на кого отец всегда равнялся, написал прощальные слова, посвященные Сатыбалды Даумову в газете «Қазақ әдебиеті». Эти строки проникнуты огромной любовью и уважением к отцу и его творчеству, к той дружбе, что связывала их на протяжении долгих лет.

С Музафаром-ага в нашем доме связан такой курьезный случай. Однажды вечером внук Алтай позвонил к ате, чтобы он помог ему с переводом стихотворения Абая «Айттым сәлем қаламқас» на русский язык. Но случилось так, что отец уже спал, и будить его не стали. Тогда аже, чтобы выручить любимого внука, позвонила к Музафар-ага с просьбой помочь с переводом. По-доброму посмеявшись, что и у него с внуками частенько возникают подобные «проблемы», тот пообещал помочь. Через какое-то время перевод был выполнен. Утром Алтай без страха и сомнения сдал учительнице домашнее задание. Все родные и близкие предвкушали триумф Музафара Алимбаева, а с ним и нашего Алтая. Но не тут-то было. Учительницу переводческая работа классика казахской литературы не устроила, и получил Музага твердую четверку.

Сегодня, оглядываясь назад, не перестаю удивляться тому широкому кругу людей, с которыми папа общался на своем жизненном пути. На заре молодости свела судьба отца с людьми, с которыми на протяжении долгих лет он поддерживал теплые отношения и которые стали истинным олицетворением казахской интеллигенции. Среди них академики Зейнолла Кабдолов и Омирзак Султангазин – будущий президент Академии наук Казахской ССР, композиторы Капан Мусин и Илья Жаканов, композитор и дирижер Бахытжан Байкадамов – зять легендарного генерала Панфилова, любимый в народе самобытный сатирик Оспанхан Аубакиров, писатель Еслямгали Мукадес, прозаик Акимкул Еркинбай, известный литературовед Баламер Сахариев, поэты Куандык Шангытбаев и Сейфолла Оспанов, писатель Беркайыр Аманшин, супруги – профессор геологии Саясат Картаевич и доктор медицинских наук Нина Амировна Каюповы. В студенческие годы отец учился с будущим классиком казахской литературы Кадыром Мырзалиевым и знаменитым в будущем боевым генералом Муратом Калматаевым. Всех, к сожалению, перечислить очень сложно, но обо всех этих уважаемых людях папа всегда отзывался с особой теплотой и огромным уважением.

Для всей нашей семьи встречать под сводами нашего скромного шанырака таких уважаемых гостей, как народные артисты СССР супруги Азербайжан Мамбетов и Газиза Жубанова было большой честью. За дастарханом среди немногочисленных гостей также присутствовал легендарный человек, прошедший «все круги ада» в фашистских концлагерях, отсидевший затем 10 лет в советских лагерях и

впоследствии реабилитированный первый казахский скрипач, основоположник скрипичной профессиональной школы Казахстана – Айткеш Толганбаев. Невозможно оставить без внимания и общение со знаменитым академиком Ишанбаем Каракуловым, бывшим министром здравоохранения Казахской ССР в 50-х годах XX столетия. Встречи с такими выдающимися личностями не остаются бесследными в жизни любого человека.

Зачастую походы в гости друг к другу в кругу творческой интеллигенции, родственников, земляков, коллег по работе были расписаны на многие месяцы вперед. Помимо этого многие друзья приглашали отца на различные тои, среди которых были свадьбы, юбилеи и прочие торжества, в качестве тамады. Приглашающие очень ценили в папе его ораторское мастерство, чувство юмора, интеллект и прекрасное знание казахского языка. Он был отличным знатоком поговорок, пословиц, прибауток, притч и интересных историй, не переставал удивлять всех глубоким знанием истории Казахстана, его традиций и обычаев. При этом его энциклопедические познания не ограничивались узкими рамками западного Казахстана и младшего жуза, он с легкостью мог дать фору представителям старшего и среднего жузов по знанию нюансов и особенностей каждого рода.

Не случайно друг отца, знаменитый поэт Кадыр Мырзалиев, полушутя рассказывал в кругу близких друзей, что при возникновении у него вопросов, связанных с историей или литературой казахов, он зачастую звонил к Сатыбалды и почти наверняка получал исчерпывающую информацию по интересующему вопросу. Кадыр-ага по-дружески называл отца ходячей энциклопедией. Отец не только соглашался быть тамадой, он еще в стихотворной форме готовил поздравления юбилярам, именинникам и прочим виновникам торжества. Высокое доверие, оказанное классиками казахской литературы Гафу Кайырбековым и Сагингали Сеитовым, которые доверили папе эту ответственную роль во время проведения торжественных мероприятий, посвященных их юбилеям, является одним из показателей его способностей и профессионализма, соответствия высоким стандартам интеллигентности и вкуса.

УЧИТЕСЬ ВСЕ ДЕЛАТЬ ХОРОШО

Не многим известно, что за так называемой маской солидного редактора и маститого журналиста скрывался скромнейший человек, отец троих сыновей, любящий муж и прекрасный семьянин. Меня поражало отношение отца ко всему, чем бы он ни занимался. Он всегда говорил нам, детям: «Если что-то делаете, то делайте хорошо». И отец своим собственным жизненным примером подтверждал свои слова. Не имея опыта плотника или кафельщика, он умудрился профессионально утеплить во всей четырехкомнатной квартире полы и качественно положить кафель. В частном доме, купленном за городом, отец удивил домочадцев умением класть линолеум, устанавливать межкомнатные двери, делать по хозяйству еще очень много полезного. Однажды он признался нашей маме, что если бы не карьера журналиста, он стал бы плотником, настолько ему нравилось работать с деревом, что-то ремонтировать и мастерить. Все близкие удивлялись этим способностям отца, который ни в школе, ни в университете не мог приобрести подобные профессиональные навыки.

Помимо хозяйственных вопросов, в семье на отце лежала ответственность контролировать успеваемость троих сыновей, с обязательным посещением ро-

дителейских собраний. Каких-то особо радостных эмоций походы на школьные собрания у него не вызывали. Особенно в старших классах. Но однажды он пришел с одного такого собрания в приподнятом настроении. Случилось это, когда классная руководительница похвалила одного из сыновей за хорошие показатели в учебе и поведении, спросив при этом: «Как Вам удалось воспитать такого сына?» После этих слов он еще долгое время ходил по дому, переполненный гордостью и положительными эмоциями, посмеиваясь и глядя на нас, как бы спрашивая самого себя: «И как же мне удалось воспитать такого сына?». Видимо, он сам не ожидал такой похвалы, и в глубине души ему было очень приятно.

Худо-бедно, но все три сына под чутким руководством отца окончили среднюю школу и успешно получили высшее техническое образование. Всех троих сыновей после окончания институтов отец благополучно проводил служить в ряды Советской Армии и всех живыми-здоровыми, слава Аллаху, встретил дома. То, что в советское время иметь сыновей было одновременно и почетно, но и небезопасно, неоспоримый факт. А все потому, что выполнять священный долг перед Родиной военкоматы могли отправить в любую «горячую» точку планеты, где присутствовали военные интересы СССР, в том числе и в Афганистан.

Пока мы, сыновья, после окончания институтов начинали свой трудовой путь в качестве молодых специалистов, папа честно и добросовестно трудился в своем любимом журнале. Более того, к нашей всеобщей радости, в 1984 году он «умудрился» на свое 50-летие удостоиться одной из самых почетных наград советского времени – Грамоты Верховного Совета Казахской ССР за вклад в развитие культуры Казахстана. За несколько лет до этого знаменательного события отец был награжден медалью «За трудовую доблесть» и медалью к 100-летию юбилею В. И. Ленина. И это были одни из самых значимых событий в нашей семье.

При всей своей серьезности и кажущейся строгости, он всегда был очень добрым, внимательным и любящим отцом. И если с нами, сыновьями, отец всегда был достаточно требовательным, то с внуками совершенно «растаял». Он как бы добавлял то тепло, которое из-за своей сдержанности в чувствах не отдал своим детям. Прогулки с коляской, поездки в дома отдыха и санатории, походы в театры на любимые им айтысы и многое другое теперь было связано с обожаемыми внуками. Неслучайно у казахов так много пословиц и поговорок, посвященных внукам. Одна из них: «Балам – балым, баламның баласы – жаным» («Ребенок – сладость моя, ребенок ребенка – душа моя») – очень точно отражает суть его отношения. В моменты его общения с внуками мы, сыновья, не узнавали отца. Он словно сам становился ребенком.

По этому поводу вспомнилась еще одна мудрая казахская пословица: «Екі баланың ортасындағы бір шал бала болады, екі шалдың ортасындағы бір бала – дана болады» («Старик меж двух детей сам станет ребенком, ребенок меж двух стариков станет мудрецом»). Помню его радость, когда первая его внучка Лилечка, начав произносить первые слова, заговорила по-казахски. Возможно, в глубине души папа понимал, что упустил важный момент, не приобщив своих сыновей к родному языку и, воспитывая внуков, хотел это исправить.

А свои чувства к юным потомкам отец выразил в стихах «Ұйықта, бөпем», музыку на которые написал Байболат Аубакиров. Получилась прекрасная колыбельная песня, ее задушевно исполняет наша мама Асылганым Еслямғалиевна Габбасова. Думаю, эту колыбельную с удовольствием бы пели своим малышам многие ажешки, аташки, папы и мамы, но, к сожалению, она не стала достоянием широкой аудитории. Хорошо зная отца, выросшего в советскую эпоху, я уверен, что он с удовольствием бы согласился без каких-либо авторских прав предоставить свой труд для всеобщего пользования на радио и телевидении.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Казалось бы, немало было написано интересных воспоминаний, касающихся личной и творческой жизни отца в посвященной ему книге. Но мне пришлось стать свидетелем нескольких неординарных событий, открывших его в неожиданном ракурсе, подчеркнувших его человеческие качества, которые не всегда видны стороннему взгляду. Это, например, размен родителями четырехкомнатной квартиры, когда они отдали нам с женой и сыном трехкомнатную, а сами переехали в однокомнатную, пожертвовав своим комфортом. Когда же мы поменяли эту квартиру в микрорайоне на двухкомнатную в центре, чтобы жить ближе к родителям, отец каждый вечер приходил помогать нам с ее ремонтом.

Это и решение отца в шестьдесят пять лет сесть за руль автомобиля, когда все мы, начиная от детей и заканчивая знакомыми автолюбителями, подключились к процессу его обучения. Ведь начиная с 1969 года он пользовался исключительно служебной машиной марки «Волга». Однако отец в очередной раз доказал всем нам и прежде всего самому себе, что при желании можно добиться любых поставленных целей. Но не все было так гладко. Однажды произошла авария с участием отца. Эта новость повергла всех нас в шок. Но за все время болезни и реабилитации он никого в случившемся не винил и не сказал ни одного неуважительного слова по отношению к другим участникам ДТП. В моем понимании это и есть истинная

сила духа и интеллигентность высшей пробы. Слава Аллаху, отец тогда выздоровел и встал на ноги, но за руль больше не сел.

...С каждой страницей писать про отца все сложнее и сложнее. Так как невольно память возвращает к самым печальным воспоминаниям. Начиная с 1996 года по сложившейся традиции мама с отцом уезжали на летний сезон в свой загородный домик, находившийся в Тургеньском ущелье, рядом с форелевым хозяйством. И в мае 2004 года они выехали аккуратно 15 числа, на его 70-летие, которое он решительно перенес на январь. Погода стояла солнечная, теплая, и у всех было хорошее весеннее настроение. По приезду в аул мама с отцом по обыкновению после почти шестимесячного отсутствия принялись наводить порядок в своем хозяйстве. У них была маленькая мечта – жить круглогодично в этом райском уголке, чтобы зимними холодными вечерами топить углем печку, пить чай, играть в карты и наслаждаться жизнью. Жизнь в горах, в тихом, уединенном домике, находившемся вдали от городской суеты, располагала отца к плодотворной работе. Там он мог вдоволь читать и писать. Как раз в это время он закончил перевод книги «Удивительные приключения барона Мюнхгаузена», написанной немецким классиком Готфридом Августом Бюргером, на казахский язык и с нетерпением ожидал ее издания. К глубокому сожалению, он не успел подержать в руках свое творение, в которое вложил много сил.

А тогда все предвещало, что весна и лето пройдут замечательно. Обычно на выходные мы с семьями приезжали к родителям, где наслаждались великолепной природой и чудесным гостеприимством. Впереди было огромное количество планов: построить баню, сделать качественное отопление, обнести территорию забором, покрыть крышу новым шифером, оштукатурить снаружи домик и многое другое. Но когда 19 мая позвонила мама и сообщила, что отец не очень хорошо себя чувствует и был врач, планы сильно поменялись. Мы срочно выехали в Тургень, вызвали скорую помощь, которая отвезла папу в Иссыкскую районную больницу. Врачи быстро сняли кардиограмму и поставили неутешительный диагноз – острый инфаркт...

Десять дней и ночей врачи боролись за жизнь отца. Мне почему-то запомнилась фраза, которую отец сказал прилетевшему из Уральска старшему брату Нурлану: «По-моему, я переоценил свои силы...» Да, он никогда не жаловался на сердце. А оно-то и оказалось слабым... Похоронили отца на Кенсайском кладбище. Судьба распорядилась так, что, родившись в далеком ауле Коянды, расположенном среди барханов, практически в пустыне, последнее пристанище обрел он в живописных местах у подножия гор Алатау, рядом с городом Алматы, в котором прожил больше пятидесяти лет.

Отец на протяжении всей жизни удивлял нас своими поступками. Остался верен себе он и после своего ухода, когда удивил нас в последний раз. Прожив с мамой бок о бок без малого пятьдесят лет, отец прекрасно знал ее привычки, предпочтения, секреты, психологию. И он все верно и четко рассчитал, оставив неизвестно когда написанное им казанама (некролог) в любимом песеннике мамы. Расчет его оправдался сполна. Мама спустя время обнаружила белый лист бумаги с написанными на нем строками, пронизанными грустью, печалью и болью, в которых отец попрощался с этим миром...

Как это зачастую бывает, имена политиков, общественных деятелей, бизнесменов, банкиров и других влиятельных при жизни людей быстро стираются из памяти, а имена поэтов-писателей остаются в сердцах, как и их произведения. Признанием

заслуг отца перед Казахстаном и казахским народом стало присвоение акиматом Западно-Казахстанской области одной из центральных улиц областного центра имени Сатыбалды Даумова. Много лет спустя, когда отца уже не было в живых, я написал эти стихи о нем, стремясь выразить свою печаль, любовь и уважение.

УЛИЦА В УРАЛЬСКЕ

Даумов – фамилия в Казахстане редкая,
Потому почетно вдвойне,
Что имя наших далеких предков
Стало широко известным в стране.

Несомненно, в этом – заслуга отца,
Скромного «труженика пера и чернил»,
Преданного Слову до конца,
Не жалевшего для него своих сил.

И сколько бы времени ни пролетело,
Остается в поэзию и журналистику вклад,
Остается служенье любимому делу,
Остается отданный людям талант.

Через тернии к далеким манящим звездам –
Не каждый такой избирает путь.
А он своей дорогой шел с упорством,
Не думая когда-нибудь отдохнуть.

И мелькали годы, перекрестки, версты...
Он умел семьей и дружбой дорожить.
Жить ответственно, по совести – не просто.
Но только так, выходит, и стоит жить.

...Улица Даумова есть в Уральске.
Ты на ней однажды окажись.
И по сердца вещего колющей указке
Вспомни о дороге длиною в жизнь.

